

ВОЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Подписаніе цюрихскаго трактата между Франціей и Австріей.—Неопредѣлительность судьбы и беззащитность Средней Италіи; приготовленія ея непріятелей. — Соперничество Англій и Франціи; приготовленія ихъ противъ Китая. — Военная дѣятельность въ Испаніи и экспедиція противъ Марокко. — Новое раздѣленіе Франціи. — Преобразованія въ Австріи и Германіи. — Вопросы объ одеждѣ и снаряженіи солдатъ, объ увеличеніи баварскихъ военныхъ силъ, измѣненіи прусской военной системы и укрѣпленіе сѣверныхъ береговъ Германіи. — Прусскій военный флотъ. — Преобразование военныхъ школъ въ Пруссіи. — Заготовленіе орудій Армстронга въ Англій. — Штыкъ-сабля. — Числительность англійской арміи и новый проектъ о милиціи. — Солдатскія библіотеки. — Способны ли евреи къ военной службѣ? — Заговоръ въ Константинополѣ. — Укрѣпленіе Тавриса.

Цюрихскія конференціи и кончились и нѣтъ. Кончились потому, что послѣдовало уже заключеніе отдѣльнаго трактата между Франціей и Австріей, которымъ опредѣляются переуступка Ломбардіи Піемонту и обязанности, возложенныя на послѣднее государство вслѣдствіе этого пріобрѣтенія. Не кончились же потому, что трактатъ этотъ еще не ратификованъ договаривающимися сторонами, потому что сардинскій уполномоченный вовсе не подписалъ этой части трактата, и потому наконецъ, что, строго говоря, конференція еще очень мало, чтобы не сказать ничего не сдѣлала для Италіи. Заключенный трактатъ утверждаетъ всѣ статьи виллафранкскаго мира и опредѣляетъ, что Піемонтъ долженъ уплатить Австріи 40,000,000 флор. и принять на себя ломбардо-венеціанскій долгъ; всего придется около 250,000,000 франковъ. Но эта уступчивость Австріи, которая сперва хотѣла было перевести на Сардинію даже и часть общаго своего долга, какъ кажется, сдѣлана только на тотъ случай, если будутъ при-

знаны права изгнанныхъ герцоговъ: тосканскаго, моденскаго и пармскаго. Это-то послѣднее обстоятельство, вѣроятно, и побудило сардинскаго уполномоченнаго не подписывать рѣшенія цюрихской конференціи. Дѣйствительно, на это условіе Сардинія никакимъ образомъ не можетъ согласиться. Она постоянно оказывала самое живое сочувствіе свободнымъ изъясненіямъ желаній населенія средне-италианскихъ герцогствъ относительно присоединенія ихъ къ Пиемонту; король Викторъ-Эммануиль торжественно объявилъ депутаціямъ этихъ герцогствъ, что онъ принимаетъ на себя защиту ихъ желаній передъ лицомъ всей Европы; наконецъ, съ самаго заключенія виллафранкскаго перемирія, Сардинія постоянно требовала, чтобы италианскій вопросъ былъ обсужденъ общимъ европейскимъ конгрессомъ, а не зависѣлъ бы отъ рѣшенія двухъ императоровъ. Спрашивается: какъ же было послѣ всего этого сардинскому уполномоченному подписать рѣшеніе цюрихской конференціи, на которой всѣ переговоры велись не прямо между Австріей и Сардиніей, а не иначе, какъ черезъ посредство Франціи?

Но невольно является вопросъ: на что же надѣется Сардинія? На конгрессъ? Но статья «Монитѣра», приведенная въ Военномъ Обзорѣннн прошлаго нумера «Военнаго Сборника», прямо говорить, что Италіи нѣчего надѣяться на него. На силу оружія? И того не замѣтно. Правда, что сардинское военное министерство дѣятельно занимается образованіемъ вооруженныхъ силъ въ Ломбардіи: положено сформировать 12 новыхъ пѣхотныхъ полковъ, одинъ артиллерійскій полкъ въ 12 батарей, 13 баталіоновъ берсальери и 3 кавалерійскихъ полка. Черезъ это сардинская армія увеличится, примѣрно, на мирной ногѣ 30,000, а на военной 45,000 человекъ, не считая резервовъ и инженерныхъ и піонерныхъ войскъ. Но при этомъ встрѣчается весьма важное затрудненіе въ пріобрѣтеніи для вновь формируемыхъ частей значительнаго числа офицеровъ. Выпускаемыми изъ Туринской военной академіи и Иврейской военной школы едва можно замѣнить половину недостающаго числа, что и заставило правительство предложить офицерскіе чины всѣмъ тѣмъ волонтерамъ, которые поступили въ сардинскую армію во время послѣдней войны и принадлежатъ къ образованнымъ сословіямъ. Мѣра эта, конечно, въ нѣкоторой степени выведетъ изъ затрудненія сардинское министерство, но врядъ ли окажетъ благодѣтельные результаты для арміи; а, между тѣмъ, Виктору-Эммануилу нужно быть

готовымъ на всякую случайность, такъ какъ Австрія не только не уменьшаетъ, но даже увеличиваетъ свои военныя приготовленія въ Венеціанской области. Притомъ же, герцогства смотрятъ на короля сардинскаго, какъ на прямаго и естественнаго своего защитника; они присягнули ему на вѣрность, приняли сардинскій гербъ, всѣ административныя распоряженія дѣлаются его именемъ, какъ короля, избраннаго ими. Чтò, если имъ придется отстаивать свои рѣшенія противъ внѣшней вооруженной силы, чѣмъ тогда поможетъ имъ Викторъ-Эммануиль? Онъ, конечно, не высказалъ имъ прямо, что принимаетъ ихъ желаніе присоединиться къ Пиемонту, но они-то своими дѣйствіями ясно показываютъ, что истолковали его отвѣтъ по своему. А что очень легко можетъ настать для Средней Италіи необходимость отстаивать свои рѣшенія противъ внѣшняго вооруженнаго вмѣшательства, въ этомъ почти нельзя и сомнѣваться. Рѣшеніе герцогствъ не принимать къ себѣ обратно изгнанныхъ ими династій прямо противоположно желаніямъ Австріи и императора Наполеона, который, какъ видно, выставляетъ возвращеніе герцоговъ непрѣмѣннымъ условіемъ для исполненія всѣхъ своихъ обязательствъ касательно Италіи. Безъ этой мѣры виллафранкскій миръ не можетъ считаться обязательнымъ для Австріи. Это ясно высказываетъ вышешюманутая нами статья «Монитѣра», гдѣ говорится:

«Французское правительство объявило уже, что эрцгерцоги не будутъ возвращены въ свои владѣнія иностранной силой; но такъ какъ одна часть условій виллафранкскаго мира не будетъ исполнена, то императоръ австрійскій найдетъ себя освобожденнымъ отъ всѣхъ обязательствъ, принятыхъ имъ въ отношеніи Венеціанской области. Тревожимый враждебными демонстраціями на правомъ берегу р. По, онъ останется въ военномъ положеніи на лѣвомъ, и вмѣсто политики примиренія и мира возродится политика недоувѣрія и вражды, которая причинитъ новыя волненія и новыя бѣдствія.»

Если бы австрійскій императоръ спокойно оставался еще на лѣвомъ берегу рѣки По, не вмѣшиваясь въ то, чтò будетъ дѣлаться на правомъ, то отъ этого, конечно, страдала бы только одна Венеціанская область; но бѣда въ томъ, что, въ случаѣ какаго либо волненія, даже самаго незначительнаго, на правомъ берегу По, австрійскій императоръ очень легко можетъ почестъ это волненіе опаснымъ для его собственныхъ владѣній, можетъ почестъ крайне необходимымъ потушить это волненіе, и вотъ го-

товъ поводъ къ вторженію Австрійцевъ въ Среднюю Италію, къ возведенію прежнихъ герцоговъ и къ возобновленію опять той полицейской роли, которую несла Австрія съ самаго вѣнскаго конгресса до настоящаго времени. Какія жь силы и средства имѣеть Центральная Италія для противодѣйствія подобному вторженію? Викторъ-Эммануиль не взялъ на себя обязанности организовать въ самыхъ герцогствахъ какія либо оборонительныя средства: посмотримъ, обратили ли на это вниманіе временныя правительства Центральной Италіи. Вотъ что, по поводу вооруженныхъ силъ Центральной Италіи, говоритъ флорентійскій корреспондентъ газеты «Times» (*): «Всѣ газеты съ увѣренностью говорили, что силы революціонизированныхъ государствъ Центральной Италіи простираются до 40 или 50,000 человекъ. Я самъ часто повторялъ это увѣреніе. Но теперь я долженъ прибавить, что эта цифра достигнута только на бумагѣ. Силу войскъ, которыя теперь могли бы быть выведены въ поле, никакъ нельзя положить болѣе 22,000 человекъ. Число Тосканцевъ, находящихся подъ командою Гарибальди и составляющихъ средину между регулярными войсками и волонтерами, можно полагать въ 10,000. Этотъ храбрый и добрый человекъ, въ письмѣ отъ 30 августа, опровергаетъ слова тѣхъ газетъ, которыя утверждали, что тосканскія войска были деморализированы и дезорганизованы своимъ прежнимъ командиромъ (генераломъ Уллоа). Гарибальди говоритъ, что, «судя по ихъ нынѣшнему духу, дисциплинѣ и воинственному виду, онъ думаетъ, что эти солдаты съ честью могли бы сражаться подлѣ маджентскихъ и сольферинскихъ побѣдителей. Но, сколько я знаю, никто и не питалъ сомнѣнія объ ихъ мужествѣ и воинственномъ видѣ. Всѣ жалобы относились къ разслабленію дисциплины и къ недостаточной приготовленности ихъ переносить трудности долгихъ переходовъ и лишений походной жизни. Я знаю, что теперь они въ лучшихъ рукахъ и скоро будутъ способны очистить себя отъ всѣхъ невыгодныхъ сужденій. Но все-таки они неопытные солдаты, и невозможно, чтобы они держали себя какъ ветераны. Маленькая тосканская армія, въ нынѣшнемъ своемъ видѣ, не созданіе новаго времени. Съ небольшими перемѣнами—она наслѣдство, доставшееся новому правительству отъ прежняго герцога.

(*). Переводомъ части этого замѣчательнаго письма мы пользуемся изъ № 9 «Современника».

«Фарини (*) организовалъ моденскую бригаду, реджіосскую бригаду и теперь занимается организованіемъ пармской бригады. Но приготовить регулярныя войска къ полевымъ дѣйствіямъ гораздо труднѣе, чѣмъ проектировать ихъ въ декретахъ. Романская дивизія Меццакапо не была еще готова цѣлыхъ два мѣсяца послѣ того, какъ начался наборъ ея, и усердіе италіанскихъ волонтеровъ неизбѣжно было охлаждено вилафранкскимъ миромъ. По послѣднимъ и вѣрнымъ извѣстіямъ изъ Пармы (**), я знаю, что въ этомъ городѣ не болѣе 500 волонтеровъ, да и то болѣею частію люди, отпущенные изъ піемонтской арміи и привлеченные подъ знамена нелѣпо огромнымъ жалованьемъ, которое назначено какъ будто для того, чтобы сдѣлать ихъ пьяною и безпорядочною толпою. Я не думаю, чтобы не таково же было состояніе моденской и реджіосской бригадъ. Безспорно, Гарибальди такой человѣкъ, что можетъ совершать чудеса съ самыми жалкими средствами. Рекруты, поведенные имъ въ Ломбардію, подъ именемъ альпійскихъ стрѣлковъ, мгновенно были превращены его вліяніемъ въ легіонъ героевъ; но то дѣлалось въ энтузіазмѣ безотлагательнаго боя и постоянныхъ успѣховъ. Мнѣ кажется страшною для италіанцевъ не открытая война, а долгая, утомительная праздность и расслабляющая жизнь въ городахъ. Я увѣренъ, что Гарибальди не хуже меня понимаетъ опасность своего капуанскаго отдыха и постарается держать свои моденскія и другія войска въ непрерывной дѣятельности, необходимость которой для тосканскихъ войскъ онъ уже замѣтилъ. Но, какъ бы то ни было, я не вижу возможности говорить теперь о моденскихъ и пармскихъ войскахъ, какъ о дѣйствительно существующихъ уже въ настоящемъ. Всѣ декреты говорятъ о нихъ въ будущемъ времени: я нахожу, что теперь устроены пока только зародыши и кадры этихъ трехъ бригадъ, и я не увѣренъ, чтобы во всѣхъ трехъ бригадахъ нашлось готовыми къ выступленію много сотенъ солдатъ.

«Въ Романи организація дивизіи Меццакапо встрѣчала много затрудненій. Два вновь формируемые корпуса генерала Росселли и полковника Пинелли отняли много волонтеровъ у этого первоначальнаго отряда, потерявшаго много солдатъ и черезъ отпускъ тѣхъ волонтеровъ, которые не хотѣли продолжать службу, такъ что высшая цифра, какую опредѣляютъ численность войскъ

(*) Диктаторъ герцогствъ.

(**) Письмо писано отъ 2 сентября.

подъ командою Мепцокапо, не превышаетъ 8,000 человѣкъ. Къ нимъ должно прибавить отрядъ Росселли, простирающійся, быть можетъ, до 3,000 человѣкъ. Вся эта масса моденскихъ и романскихъ войскъ состоятъ изъ людей, большинство которыхъ ни разу не были въ огнѣ. Тосканцы, кажется, имѣютъ четыре съ половиною батарен, по восьми орудій каждая; въ Романьи артиллерія состоитъ изъ 12 пушекъ. Въ Тосканѣ, кромѣ 10,000 человѣкъ, находящихся теперь въ лагерѣ, есть еще резервъ, который простирается, быть можетъ, до 10,000 человѣкъ. Въ это число входятъ 2,400 человѣкъ жандармовъ и солдатъ таможенной и прибрежной стражи. Эти солдаты превосходны; но, разумѣется, ихъ нельзя выводить за границу. Остальные—рекруты. Если время позволить довершить обученіе рекрутъ и если будутъ деньги, то нынѣшнее число дѣйствительно годныхъ въ дѣло солдатъ Центральной Италіи, 22,000 человѣкъ, безспорно, можетъ быть удвоено.

«Тоскана, Парма, Модена и Романья имѣетъ отъ 4 до 5 милліоновъ жителей. Когда вынѣшнія распоряженія о наборѣ войскъ будутъ всѣ исполнены, эти земли будутъ имѣть до 50,000 войска, то есть по одному солдату на 100 человѣкъ жителей — пропорція недурная для государства, находящагося внѣ всякой опасности и пользующагося глубокимъ миромъ.

«Но мнѣ кажется, что Центральная Италія не находится внѣ всякой опасности и не можетъ надѣяться на глубокій миръ».

Такое состояніе военныхъ силъ Центральной Италіи, конечно, весьма неутѣшительно для ея безопасности, тѣмъ болѣе неутѣшительно, что лица, стоящія во главѣ временнаго правительства, по своимъ личнымъ убѣжденіямъ, вовсе не надѣются на народъ и не хотятъ допустить его къ защитѣ отечества, давъ ему оружіе и организовавъ изъ него поголовное ополченіе. Наконецъ, и сами Италіанцы отличаются какою-то безпечностью и совершеннымъ нерасположеніемъ къ военной службѣ. «Битвы Италіанцы не боятся — говоритъ тотъ же корреспондентъ газеты «Times» — они не отступаютъ передъ огнемъ и сталью, когда кровь ихъ разгорячена. Но они не любятъ военного обученія и маршировки. Они не любятъ солдатчины, если не видятъ необходимости въ ней. Послѣ виллафранкскаго мира они впади въ оцѣненіе, которое происходитъ наполовину отъ увѣренности въ защитѣ, наполовину отъ отчаянія. Императоръ Французъ даетъ имъ увѣренія, что никакое вооруженное вмѣшатель-

ство иностранцевъ не грозитъ имъ. Всѣ италіанскія, французскія и англійскія газеты повторяютъ, что Европа не позволитъ пальцемъ тронуть народа, который держитъ себя съ такимъ примѣрнымъ достоинствомъ, благоразуміемъ, единодушіемъ. А если Франція и Австрія оставятъ ихъ въ покоѣ, то «зачѣмъ же — говорятъ они — намъ получать мигрени и мозоли отъ долгихъ, напрасныхъ маршей? Противъ нашихъ герцоговъ и папы слишкомъ довольно будетъ и тѣхъ солдатъ, которыхъ мы уже набрали; а если Франція не сдержитъ своего слова, если она или Австрія, или она и Австрія вмѣстѣ нападутъ на насъ, къ чему приведутъ всѣ наши воинственныя приготовленія? Къ тому, чтобы умереть съ оружіемъ въ рукахъ и облагородить нашу гибель подвигами отчаянія? Но храбрость отчаянія ненуждается ни въ оружіи, ни въ солдатскомъ обученіи. Флоренція храбро сражалась противъ Карла V въ 1529 году, хотя имѣла только необученныхъ военному дѣлу гражданъ, подъ начальствомъ Франческо-Ферруччіо, противъ ветерановъ испанской и нѣмецкой армій. Римъ и Венеція въ 1849 дорого продали побѣду Французамъ и Австрійцамъ, хотя едва ли кто изъ этихъ волонтеровъ зналъ — правою или лѣвою ногою надобно выступать впередъ.»

Итакъ, военныя средства Центральной Италіи крайне ограниченны; а, между тѣмъ, враги ея не перестаютъ постоянно все болѣе и болѣе усиливаться. Агенты Франціи и прежнихъ герцоговъ постоянно не перестаютъ возбуждать народъ въ пользу низложенныхъ династій. Правда, что на ихъ долю часто достается самая жалкая участь — лучшимъ примѣромъ тому можетъ служить трагическая смерть въ Пармѣ полковника Анвити, одного изъ преданнѣйшихъ приверженцевъ пармскаго герцогскаго дома — но подобные же случаи могутъ оказать и весьма пагубное вліяніе на судьбу Центральной Италіи: они могутъ повести за собою вышнее вмѣшательство, которое никакъ не можетъ быть выгодно для герцогствъ. Съ другой стороны, враги Центральной Италіи дѣйствуютъ и въ ея, стараясь обезпечить за собою всѣ средства для будущихъ своихъ дѣйствій. Такъ герцогъ Моденскій рѣшительно обратилъ Мантую въ свою главную квартиру и дѣятельно занимается формированіемъ арміи, съ которою онъ могъ бы возвратитъ себѣ потерянный имъ престолъ. Армія его не должна быть слишкомъ многочисленна — никакъ не болѣе 4 до 5,000 человекъ, при чемъ въ ней не болѣе трети Италіанцевъ,

а остальные двѣ трети Австрійцы и Тирольтцы. Все вооруженіе для своей арміи герцогъ получилъ изъ мантуанскихъ арсеналовъ. Въ то же время и въ Папской области дѣлаются приготовленія для возвращенія Романьи подѣ власть папы. Швейцарцы продолжаютъ въ Римѣ вербоваться въ папскую службу и направляются въ Перузу, гдѣ поступаютъ въ составъ иностранныхъ полковъ, переименованныхъ изъ прежнихъ швейцарскихъ, вслѣдствіе послѣднихъ запрещеній швейцарскаго союзаго собранія насчетъ поступленія Швейцарцевъ въ иностранныя арміи. Изъ Перузы уже папскія войска направляются на границу Романьи, гдѣ аванпосты ихъ, по послѣднимъ извѣстіямъ, стоятъ въ виду романьольскихъ.

Сверхъ того, не полагаясь на свои собственныя силы, папа имѣлъ свиданіе съ королемъ неаполитанскимъ, цѣлью котораго, какъ надо полагать, было испрошеніе помощи противъ легатствъ. Въ какой степени справедливо это предположеніе, неизвѣстно, по новѣйшія газеты сообщаютъ, что отъ 15 до 20,000 Неаполитанцевъ собрано въ лагерѣ у Чіеты, близъ римской границы; въ то же время въ Неаполѣ усиленно продолжается наборъ солдатъ, король постоянно инспектируетъ войска, осматриваетъ крѣпости, и вообще въ неаполитанскомъ военномъ министерствѣ замѣтна сильная дѣятельность. Носятся слухи, что войска, собранныя у Чіеты, а равно собираемыя у Аквиллы, назначаются въ помощь папѣ противъ легатствъ; говорятъ даже, что и Австрія уже рѣшилась принять участіе въ этомъ походѣ. Но слухи эти подлежатъ еще сомнѣнію. Конечно, Австрія очень была бы непрочь начать эту кампанію; но силы ея еще слишкомъ слабы и не окрѣпли послѣ недавнихъ пораженій, король же неаполитанскій самъ еще не вполне можетъ положиться на спокойствіе своихъ собственныхъ владѣній и потому врядъ ли рѣшится на предпріятіе, которое не можетъ пользоваться популярностью между большинствомъ его подданныхъ. Гораздо вѣрнѣе, что и неаполитанское и австрійское правительства только дозволили волонтерамъ изъ своихъ войскъ поступать въ папскую службу, потому что дѣйствительно таковыхъ очень много является въ ряды римской арміи. Даже и католическая Испанія имѣетъ множество своихъ представителей въ рядахъ защитниковъ неприкосновенности и цѣлости папскихъ владѣній.

Чѣмъ кончится судьба Центральной Италіи, не наше дѣло предугадывать. Все, что мы можемъ сказать, такъ это только

то, что, къ сожалѣнію, при всей своей неопредѣлительности, дѣло Центральной Италіи начинаетъ принимать все болѣе и болѣе неблагопріятный исходъ.

Всѣ надежды и упованія свои Италія въ настоящее время болѣе всего можетъ возлагать на Англію, которая готова быть полезною Италіанцамъ и изъ личной симпатіи къ этому возрождающемуся народу, а еще болѣе изъ соперничества къ Франціи. Англія завистливо смотритъ на то значеніе, которое можетъ получить Франція, устроивъ дѣла Италіи, тѣмъ болѣе завистливо, что еще десять лѣтъ тому назадъ Англія имѣла возможность сдѣлать почти то же самое, но не сдѣлала, по излишней требовательности лорда Пальмерстона, стоявшаго въ то время во главѣ лондонскаго кабинета. Теперь же она хочетъ превзойдти императора Наполеона, считая виллафранкскія условія недостаточными для возстановленія самобытности Италіи: отсюда и прорывается ея настойчивость въ необходимости конгресса, но только такого конгресса, въ основаніи котораго не было бы условій, заключенныхъ между двумя сблизившимися императорами, а стояло бы желаніе самыхъ же Италіанцевъ, выраженное ими спокойно, единодушно, безъ всякихъ волненій и вишняго вліянія. Это несогласіе между лондонскимъ и французскимъ кабинетами едва-едва не поколебало дружественнаго согласія англо-французскаго союза; но вдругъ непріятная встрѣча, сдѣланная представителямъ обѣихъ великихъ державъ китайскимъ правительствомъ (*), снова возстановила дружественное стремленіе обѣихъ націй къ одной общей цѣли — наказанію Китая. На этотъ разъ Англія явно нуждалась въ пособіи Франціи, потому что не могла разсчитывать на содѣйствіе войскъ, находящихся въ Индіи, изъ которыхъ около 10,000 человекъ, какъ уже извѣстно читателямъ «Военнаго Сборника», потребовали возвращенія въ Европу. Съ своей стороны, Франція дѣятельно приступила къ приготовленіямъ. Рѣшено было сформировать особую дивизію въ 15,000 человекъ, подъ начальствомъ генерала Трошю, младшаго изъ дивизіонныхъ генераловъ Франціи, человека, отличавшагося неоднократно на поляхъ сраженій. Дивизія эта должна была состоять изъ пяти пѣхотныхъ полковъ, сформированныхъ изъ волонтеровъ, взятыхъ отъ всѣхъ частей арміи и долженствовавшихъ получить обмундированіе зуавовъ, какъ наиболѣе сообразное съ требованіями климата новаго театра войны. Въ то

(*) Смотри Военное Обозрѣніе № 10 «Военнаго Сборника».

же время и Англія стала снаряжать въ Портсмутѣ и Спитгедѣ особую эскадру противъ Китая. Во все это время англійскія газеты были весьма скромны относительно всего, что касается италіанской политики императора Наполеона. Но вотъ получается извѣстіе изъ Индіи, что тамошніе англійскіе солдаты согласились наконецъ за весьма усиленныя преміи не возвращаться въ Европу, а отправиться въ Китай—обстоятельство важное для Англіи въ финансовомъ отношеніи и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлающее уже менѣе необходимою и самую помощь Франціи. Почти одновременно съ этимъ начинаются въ Англіи и новые нападки на политику Наполеона III. И снова колеблется искренность англо-французскаго союза. Еще болѣе эту искренность поколебало недовѣріе Англіи къ Франціи и Испаніи вслѣдствіе непріязненныхъ отношеній этихъ двухъ державъ къ Мароккской имперіи. Постоянныя безпокойства, причиняемыя Марокканцами испанскому владычеству въ Африкѣ, вызвали Испанію на необходимость наказать ихъ за это дѣло. Долго, по безсилію своему, терпѣла она, но въ настоящее время увеличившійся флотъ испанскій и вообще значительное развитіе государственныхъ силъ доставляютъ возможность Испаніи выказать свою силу и значеніе. Притомъ же, дѣйствуя противъ Марокко, Испанія дѣйствуетъ и въ видахъ обезпеченія вообще торговыхъ интересовъ всѣхъ морскихъ націй. Въ южной части Мароккской имперіи кочуютъ хищническія, воинственные племена Мавровъ, находящіяся лишь въ самой слабой зависимости отъ мароккскаго императора. Изъ нихъ живущее близъ береговъ Атлантическаго океана занимается постояннымъ пиратствомъ и совершенно безнаказанно грабитъ коммерческія суда, подъ какимъ бы они флагомъ ни находились. Племя это называется рифскимъ, по занимаемому имъ берегу; оно дѣлится на 16 селеній, или колѣнъ, управляемыхъ шейкомъ, и только номинально признаетъ власть мароккскаго императора, и то болѣе, какъ главы религіознаго. Главное селеніе ихъ Азаненъ лежитъ внутри далеко вдающейся въ землю бухты. Скалистые и трудно доступные берега въ этой части океана дѣлаютъ положеніе рифскаго племени трудно доступнымъ со стороны моря. Европа почти впервые узнала о существованіи этого пиратскаго племени года четыре тому назадъ, когда, вслѣдствіе ограбленія ими одного прусскаго торговаго судна, Пруссія рѣшилась снарядить противъ нихъ морскую экспедицію, подъ начальствомъ принца Адальберта. Но экспедиція эта имѣла самое несчастли-

вое окончаніе, и это еще болѣе убѣдило въ недоступности рифскаго берега. Теперь Испанія выступила съ рѣшительнымъ намѣреніемъ прекратить рифскіе морскіе разбои и уничтожить это гнѣздо пиратства, такъ долго остающееся еще поблизости Средиземнаго моря. Въ то же время и Франція рѣшилась предпринять экспедицію противъ мавританскихъ племенъ, живущихъ къ востоку отъ рифскаго племени и постоянно беспокоившихъ предѣлы Алжирии. Но эти предпріятія сильно не нравятся Англіи. Владѣя на испанскомъ берегу Гибралтаромъ, она не очень привѣтливо смотритъ на начинающееся возрожденіе Испаніи; но еще болѣе беспокоитъ ее та мысль, что результатомъ предпринимаемыхъ въ настоящее время экспедицій можетъ послѣдовать новое увеличеніе владѣній Франціи или Испаніи на африканскомъ берегу. Вслѣдствіе того, Англія употребила всѣ мѣры, чтобы, по возможности, помирить Испанію съ Марокко; но, какъ извѣстно по послѣднимъ свѣдѣніямъ, мѣры эти оказались бесполезными и испанское правительство уже отозвало своего консула изъ Танжера и объявило кортесамъ, что намѣрено начать войну. Объявленіе это было встрѣчено всеобщимъ восторгомъ Испанцевъ, которые видятъ въ предпринимаемой экспедиціи новое доказательство пробужденія ихъ отечества отъ долгаго сна. Нѣтъ почти никакого сомнѣнія, что предпріятіе это увѣнчается успѣхомъ, и тогда Испанія пріобрѣтетъ нѣкоторое нравственное значеніе на африканскомъ берегу, если и не сдѣлаетъ даже никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній, въ чемъ, если вѣрить газетамъ, она обязалась передъ Англіей и Франціей. Приготовленія къ этой экспедиціи очень значительны. Кромѣ главнаго 30,000 корпуса, собраннаго подъ начальствомъ маршала О'Доннеля въ Алжезирасѣ, еще формируются два резервные корпуса: одинъ въ Кадиксѣ, а другой въ Малагѣ. Главнымъ опорнымъ пунктомъ какъ для испанскаго флота, такъ и для сухопутной арміи будетъ Алжезирасъ (*), гдѣ сдѣланы значительныя заготовленія по части госпитальной и провіантской. Вообще въ Испаніи въ послѣднее время замѣтна сильная военная дѣятельность: армію ея положено на 1860 годъ увеличить до 100,000; заведена бригада ѣздящей артиллеріи, состоящая изъ 4 батарей, по 4 орудія въ каждой, на мирномъ положеніи; положено сформировать еще одну подобную же бригаду изъ уничтожаемой въ настоящее время горной бригады; рѣшено основать новую оружейную фабри-

(*) Алжезирасъ — небольшой портъ, въ 3 или 4 миляхъ отъ Гибралтара.

ку въ Севильѣ, на которой бы можно было изготовлять ежегодно до 30,000 штукъ разнаго оружія; нужныя машины и рабочихъ положено выписать изъ-за границы, для чего командированы уже способные артиллерійскіе офицеры; Овіедская оружейная фабрика тоже получила значительныя улучшенія; на фабрикахъ Овіедской и въ Трубин дѣятельно занимаются передѣлкою гладкоствольнаго оружія въ нарѣзное, и полагаютъ, что уже готово 60,000 передѣланныхъ ружей; тамъ же пристувлено и къ заготовленію нарѣзныхъ орудій. Этотъ бѣглый перечень улучшеній, производимыхъ въ испанскомъ военномъ вѣдомствѣ, показываетъ уже, что Испанія обратила полное вниманіе на устройство своихъ военныхъ силъ, и предпринимаемая экспедиція можетъ служить только къ доставленію войскамъ ея надлежащаго боеваго образованія.

Что касается до экспедиціи, предпринятой Франціей противъ мароккскихъ предѣловъ, то о ней тоже пока имѣется еще очень мало свѣдѣній. Извѣстно только, что экспедиціонный корпусъ состоитъ изъ двухъ пѣхотныхъ дивизій генераловъ Эстергази и Юсуфа и одной кавалерійской генерала Дево, подъ главнымъ начальствомъ генерала Мартемпре, который прибылъ 8 октября, по новому стилю, къ войскамъ, собравшимся у Орана. Носятся слухи, что цѣлью французской экспедиціи будетъ усмиреніе маврскихъ племенъ, живущихъ близъ западныхъ предѣловъ Алжира, и что Франція намѣрена перенести границу своихъ африканскихъ владѣній на р. Мулуію, для того, чтобы этимъ болѣе прикрыть возникающія поселенія въ Оранской провинціи, а равно и обезпечить торговые пути свои съ внутренней Африкой.

Кстати считаемъ нужнымъ замѣтить, что генераль Мартемпре является во главѣ французско-мароккской экспедиціи по званію своему начальника алжирскаго военного округа, куда онъ назначенъ вслѣдствіе новаго территоріальнаго раздѣленія Франціи вмѣсто пяти дивизій на семь военныхъ округовъ. Округа эти и вновь назначенные начальники ихъ слѣдующіе:

1-й округъ—главная квартира Парижъ, начальникъ маршаль Маньянь; 2-й—Лиль, начальникъ маршаль Макъ-Магонъ; 3-й—Нанси, начальникъ маршаль Канроберъ; 4-й—Ліонъ, начальникъ маршаль Кастелланъ; 5-й—Туръ, начальникъ маршаль Бараге д'Илье; 6-й—Тулуза, начальникъ маршаль Ніель; 7-й—Алжиръ, начальникъ дивизионный генераль Мартемпре.

— Каждая война непременно вызываетъ вслѣдъ за собою рядъ преобразованій и улучшеній не только въ одномъ военномъ сословіи, но часто, въ болѣе или менѣе сильной степени, и въ самомъ государственномъ устройствѣ не только воевавшихъ, но даже и не принимавшихъ участія въ войнѣ державъ. Такъ и послѣдняя Италіанская кампанія не могла остаться безъ послѣдствій. Не только въ одной Австріи, но и въ цѣлой Германіи почувствовали необходимость многихъ преобразованій. Въ Австріи улучшенія эти были обѣщаны императорскимъ манифестомъ, послѣдовавшимъ вслѣдъ по заключеніи виллафранкскаго мира, и, дѣйствительно, въ настоящее время приняты уже кой-какія мѣры для осуществленія этихъ улучшеній. Но, къ сожалѣнію, мѣры эти далеко не могутъ удовлетворить того, чего ожидали, и никакъ не могутъ привести къ полному обновленію государства. Это скорѣе полумѣры и, притомъ, относящіяся только къ мелочамъ, подробностямъ, нисколько не касаясь тѣхъ основаній, которые составляютъ главнѣйшее зло Австріи.

Въ то же время и Германія нашла, что послѣдняя война выказала вполне неудовлетворительность ея настоящаго устройства. Она увидѣла, что, несмотря на свою обширность и многочисленность, она не пользуется ровно никакимъ вліяніемъ въ обще-европейскихъ дѣлахъ, вслѣдствіе своей раздѣльности и разъединенности. Это и выдвинуло снова вопросъ о необходимости измѣненія союзнаго положенія Германіи съ цѣлью возстановленія ея единства и неразлучно связаннаго съ нимъ могущества и силы. Но осуществленіе этого вопроса, сильно нравящееся всей германской націи, очевидно, не можетъ быть встрѣчено столь же благопріятно многими германскими правительствами, которымъ бы пришлось для осуществленія идеи единства Германіи пожертвовать своими правами. Всѣ надежды германской націи въ этомъ дѣлѣ почти исключительно сосредоточиваются на Пруссіи; но надежды эти, по крайней мѣрѣ до времени, не могутъ осуществиться, потому что Пруссія официально объявила въ нотѣ своего министра внутреннихъ дѣлъ, что «уваженіе къ правамъ и закону, обезпечивающее Пруссію во внутреннихъ дѣлахъ, должно опредѣлить наши отношенія къ Германіи и къ нашимъ сочленамъ по Германскому Союзу». Одна изъ временныхъ мѣръ для возстановленія единства Германіи, которая наиболѣе относится къ военному положенію этого союза, это—предложеніе, чтобы Пруссіи передано было управленіе германскими военны-

ми силами и дипломатическое представительство всей Германіи до тѣхъ поръ, пока не устроится центральная власть. Конечно, исполненіе этой мѣры могло бы придать весьма важное значеніе цѣлой Германіи въ ряду европейскихъ государствъ; но и она, подобно всѣмъ другимъ, встрѣтитъ сильное противодействіе со стороны Австріи и другихъ державшихъ ея сторону германскихъ правительствъ. Вообще, идея объ единствѣ Германіи, снова вызванная послѣднею войною, вѣроятно, и теперь останется столь же далекою отъ своего осуществленія, какъ была и до настоящаго времени.

Гораздо болѣе дѣйствительна дѣятельность въ Австріи и вообще въ Германіи по части улучшеній, относящихся прямо къ военному дѣлу. Особенно въ Австріи сильно занимаются изслѣдованіемъ причинъ неудачъ, понесенныхъ австрійскими войсками въ Италіи, и на основаніи опыта италіанской кампаніи предполагаютъ совершенно измѣнить организацію арміи. Между прочимъ найдено, что принятая въ Австріи боевая, или, какъ ее называютъ, маневренная единица (Manövrig-Einheit) — бригада, слишкомъ слаба. На это обстоятельство и сваливаютъ въ настоящее время часть неудачъ Австрійцевъ. Вотъ что говоритъ по этому поводу «Allgemeine-Zeitung»:

«У Французовъ тактической единицею для сраженія есть дивизія: всѣ диспозиціи основываются на ней; артиллерія находится подъ непосредственнымъ начальствомъ дивизионнаго генерала, который располагаетъ ею по своему усмотрѣнію. Бой завязывается цѣлою дивизіею, которая разсыпаетъ три линіи стрѣлковъ и составляетъ для нихъ резервъ. Съ нашей же стороны для этого назначается и каждый разъ особенно поименовывается бригада; бригада образуетъ единицу для диспозиціи, и оттого происходитъ, что употребляемая въ дѣло бригада должны или слишкомъ растягиваться, чтобы не быть охваченными съ фланговъ непріателемъ, или же, сохраняя надлежащую глубину боеваго порядка, не могутъ развернуть фронта достаточной длины».

Неудобство это, дѣйствительно, подтверждается, если вспомнить австрійскія донесенія и диспозиціи за послѣднюю кампанію, гдѣ почти постоянно главнокомандующему приходилось руководить и направлять отдѣльныя бригады, а бригада состоитъ, какъ извѣстно, изъ одного полка, съ придачею къ нему или стрѣлковаго, или пограничнаго баталіона. Въ избѣжаніе это-

го-то неудобства, предполагается въ Австріи усилить силу бригадъ до двухъ линейныхъ полковъ; но такъ какъ настоящіе австрійскіе полки слишкомъ велики въ своемъ составѣ, особенно въ военное время, то полагается одновременно съ этимъ уменьшить численность людей въ полку. Именно полагаютъ число батальоновъ въ полку оставить прежнее, уменьшивъ только ихъ силу, черезъ приведеніе ихъ въ четырехъ-ротный составъ, при чемъ роты будутъ имѣть меньше людей, чѣмъ въ настоящее время. Этимъ измѣненіемъ хотятъ также придать полку и болѣшую боевую подвижность. Но для того, чтобы черезъ это сокращеніе не уменьшить общей численности пѣхоты въ австрійской арміи, число полковъ будетъ, вѣроятно, увеличено изъ 62, по однимъ показаніямъ, до 100, а по другимъ только до 80. Мѣра эта дастъ возможность правительству употребить съ пользою ту огромную массу офицеровъ, которая съ приведеніемъ войскъ съ военнаго на мирное положеніе останется за штатомъ. Такимъ образомъ, изъ этихъ предположеній можно видѣть, что Австрія нисколько не думаетъ уменьшать численности своей арміи, на что многіе вѣрившіе въ возможность возрожденія Австріи сильно надѣялись. Безъ этого же уменьшенія, которое должно стоять на первомъ планѣ, Австрійской монархіи весьма трудно будетъ поправить свои финансы, въ которыхъ первое мѣсто занимаютъ несоразмѣрно громадные расходы на военно-сухопутныя силы.

Впрочемъ, нѣкоторое уменьшеніе австрійской арміи послѣдовало уже, вслѣдствіе приведенія ея на мирное положеніе, кромѣ трехъ корпусовъ, занимающихъ еще Венеціанскую область. Распоряженіемъ 8 октября новаго стилиа, приказано распустить всѣхъ солдатъ, принадлежащихъ къ резерву и призванныхъ по случаю войны, увольнять совершенно тѣхъ, которые вполне выслужили свой срокъ, и перечислить изъ дѣйствующихъ войскъ въ резервныя тѣхъ, которые на то имѣютъ право. Вслѣдствіе того снова допущены увольнения въ отставку и отпуска, прекращенные войною, а равно и вторичное поступленіе солдатъ на службу на 1859 годъ, для замѣны откупающихся отъ военной повинности.

Изъ другихъ вопросовъ, относящихся до военнаго сословія, очень занимаетъ въ послѣднее время военныхъ людей Австріи и особенно Германіи вопросъ объ одеждѣ и снаряженіи солдата. Какъ ни кажется этотъ вопросъ второстепеннымъ, но онъ отнюдь не долженъ быть пренебрегаемъ военными администрато-

рами. Опытъ восточной войны показалъ, какъ важно и необходимо измѣненіе въ одеждѣ офицеровъ, введенное у насъ для боя. Последняя италіанская кампанія заставила многихъ предполагать, что огромная убыль, которую несли Австрійцы въ бою, происходила оттого, что бѣлые мундиры ихъ руководили огнемъ непріятели. Вслѣдствіе того явились разныя предположенія о новомъ обмундированіи для австрійской арміи, въ которыхъ хотѣли отмѣнить бѣлый цвѣтъ мундировъ; но, какъ кажется, правительство вовсе не намѣрено дѣлать этихъ измѣненій, такъ какъ въ сущности они и не представляютъ особенной важности, а отчасти и потому, что все-таки бѣлый австрійскій мундиръ, при всѣхъ вынесенныхъ имъ несчастіяхъ, имѣетъ нѣсколько и славныхъ воспоминаній. Гораздо существеннѣе предположеніе объ измѣненіи самаго покроя австрійскаго мундира, а преимущественно отмѣна его стоячаго воротника на откладной и измѣненіе прежнихъ высокихъ и тугихъ галстуховъ болѣе мягкими и низкими. Это измѣненіе въ одеждѣ, дѣйствительно, можетъ облегчить солдата. Но еще болѣе важнымъ является вопросъ о снаряженіи солдата и о той ношѣ, которую онъ имѣетъ на себѣ. Италіанскій походъ показалъ, что съ той тяжестью, какую въ настоящее время носить на себѣ солдатъ, почти нѣтъ никакой возможности вступать въ бой; поневолѣ приходилось передъ боемъ скидывать ранцы, что было связано всегда съ большими неудобствами; въ случаѣ побѣды, солдатъ бывалъ удаленъ отъ своего имущества и на первыхъ же порахъ отдыха не могъ имъ пользоваться; при поражении, конечно, ранцы пропадали совершенно, и положеніе солдата становилось крайне тягостнымъ. Все это заставило серьезно подумать о необходимости облегчить солдатъ, и предметъ этотъ сильно занялъ нѣмецкіе военные журналы. Большинство мнѣній, конечно, стоитъ за облегченіе; но появились и противники этой, повидимому, столь очевидно полезной мѣры. Они признаютъ совершенную неудовлетворительность почти всѣхъ мѣръ, принимаемыхъ для облегченія солдатъ; одно, что, по ихъ мнѣнію, должно отнять у пѣхоты, это тесаки, какъ оружіе, совершенно ненужное для солдата. Уменьшать же число вещей въ ранцѣ, по ихъ мнѣнію, совершенно непрактично, такъ какъ всѣ эти вещи вполнѣ необходимы солдату. Затѣмъ противники облегченія задаютъ вопросъ: отчего въ блестящія времена войны революціи и первой имперіи, когда солдатъ несъ на себѣ гораздо большую противъ теперешняго тя-

жесть, когда онъ имѣлъ при себѣ постоянно мясо, сухари и сушенныя овощи на нѣсколько дней и когда переходы вовсе не были короче теперешняго, отчего тогда солдатъ не чувствовалъ этой тяжести? На это можно бы отвѣчать, что тогда солдатъ былъ воодушевленъ военнымъ гениемъ своего великаго полководца, увлеченъ громадною его славой и потому не чувствовалъ тѣхъ тягостей, которыя угнетали его, притомъ же и въ то время бывали отсталые и утомленные; только тогда, по самому духу того времени, о солдатѣ не заботились такъ, какъ теперь, и оттого не слишкомъ-то вникали въ дѣйствительныя причины этой утомленности. Но противники облегченія приписываютъ эту противоположность прошедшаго съ настоящимъ главнѣйше влиянію желѣзныхъ дорогъ, которыя, доставляя возможность перевозить солдатъ по нимъ, уменьшаютъ и облегчаютъ значительно чисто походную жизнь, которая необходима, какъ лучшее упражненіе для приученія солдата къ тягостямъ и трудностямъ военнаго времени. Въслѣдствіе того, противниками облегченія солдатъ предлагаются слѣдующія мѣры, въ дѣйствительности которыхъ нельзя не согласиться. Во первыхъ, они совѣтуютъ выбирать въ пѣхоту людей по преимуществу сильныхъ и здоровыхъ, такъ какъ пѣхотная служба можетъ почесться почти самою трудною изъ всѣхъ родовъ оружія. Во вторыхъ, всѣ занятія въ пѣхотѣ должны исключительно клониться къ развитію въ людяхъ физической силы и способности переносить всѣ возможные тягости военнаго времени. Съ этою цѣлью они совѣтуютъ совершенно изгнать всѣ такъ называемыя плацъ-парадныя упражненія, а главное вниманіе обратить на фехтованіе, гимнастику, маневры, дѣланіе переходовъ въ полной походной амуниціи во всякое время года и при всѣхъ возможныхъ состояніяхъ погоды. Даже самую гарнизонную службу они считаютъ разслабляющею солдата, выставляя, что пѣхотинцу только и нужно знать обязанности часоваго на аванпостахъ. Вообще надо отдать справедливость противникамъ облегченія солдатъ, что на ихъ сторонѣ весьма много логичности и совершенно вѣрный взглядъ на обученіе пѣхоты. Но, тѣмъ не менѣе, желаніе облегчить солдатъ перешло уже въ правительственные круги, и результатомъ того явилось образованіе въ Пруссіи особой комиссіи для изысканія средствъ къ возможному уменьшенію солдатской ноши. Въ Баваріи же съ этой цѣлью послѣдовали уже измѣненія въ ранцѣ и амуниціи шести егерскихъ баталіо-

новъ. Новый баварскій ранецъ значительно меньшихъ размѣровъ и вѣса противъ прежняго; но особенное значеніе въ немъ придаютъ тому обстоятельству, что форма и покрой его совершенно приходится повыгибамъ человѣческой спины и тяжесть его разложена между тремя точками. Не имѣя еще подробнаго описанія самаго ранца, трудно судить, въ какой мѣрѣ эти выгоды могутъ быть дѣйствительными; но, по отзыву нѣмецкихъ газетъ, ранецъ этотъ заключаетъ въ себѣ весьма большія удобства для солдата. вмѣстѣ съ этимъ послѣдовало также измѣненіе сумы для патроновъ и всей амуниціи, которая сдѣлана поясною. Наиболѣе оригинально устройство сумы или патронташа, который уменьшенъ до того, что можетъ вмѣщать только 24 патрона; остальные затѣмъ патроны прикрѣпляются въ особомъ мѣшкѣ снаружи къ ранцу, съ тѣмъ, что, въ случаѣ, еслибъ пришлось снять ранцы, то солдатъ можетъ мѣшокъ съ патронами привѣсить къ тесаку. Подобная мѣра принята съ цѣлью болѣе равномернаго распредѣленія на солдатъ тяжести; но, какъ кажется, въ практичности ея сильно можно сомнѣваться.

Выше мы уже говорили, что вообще Германія недовольна той незначительностію, какою она пользовалась во время послѣдней италіанской кампаніи. Это неудовольствіе особенно проявляется въ государствахъ южной Германіи, которыя, при всемъ сочувствіи своемъ къ Австріи, ничего не могли сдѣлать въ ея пользу; но наиболѣе сильно оно высказывается въ Баваріи, вполнѣ увѣренной, что еслибъ военныя силы ея были болѣе значительны, то, конечно, Франція не дѣйствовала бы такъ энергичски въ Италіи и не оставила бы почти беззащитною своей германской границы.

Вслѣдствіе такого взгляда на вещи, общественное мнѣніе южной Германіи требуетъ отъ Баваріи новыхъ усилій, чтобы ея военныя силы имѣли большее значеніе, чтобы она непременно имѣла сильный укрѣпленный пунктъ въ своей зарейнской провинціи, чтобы въ мирное время были заготовлены всѣ матеріальныя средства для быстраго приведенія арміи на военную ногу, чтобы наконецъ вся армія получила непременно нарѣзное оружіе, для чего слѣдуетъ, въ случаѣ, если бы баварскія оружейныя фабрики не могли выполнить этого, прибѣгнуть даже къ заказамъ за границую. Всѣ эти вопросы, вѣроятно, будутъ предлагаемы во вновь собранныхъ палатахъ, и интересно знать какое рѣшеніе получаютъ они тамъ. Не лишне только замѣтить, что

удовлетвореніе всѣмъ этимъ военнымъ потребностямъ потребуетъ очень немалыхъ расходовъ; а, между тѣмъ, бюджетъ Баваріи и безъ того съ нѣкотораго времени представляетъ дефицитъ, который покрывается постоянно усиливаемыми налогами и новыми займами, увеличившими сумму расходовъ по государственному долгу до 7,331,580 р. с., при общемъ числѣ доходовъ въ 23,958,389 р. с. Изъ числа же этихъ доходовъ на содержаніе арміи, въ прошломъ 1858 г., по мирному положенію, было ассигновано 5,447,540 р. с.

На сѣверную Германію послѣдняя война тоже оказала свое вліяніе, и даже въ довольно значительныхъ размѣрахъ. Такъ, король ганноверскій замѣнилъ прежде бывшія у арміи каски, построенныя по прусскому образцу, новыми, за образецъ для которыхъ былъ взятъ австрійскій головной уборъ. Но въ этомъ случаѣ руководствовались вовсе не преимуществомъ удобства австрійскихъ касокъ передъ прусскими, а единственно только желаніемъ выразить свое сочувствіе австрійцамъ и нерасположеніе къ пруссакамъ. Жаль только, что этотъ новый способъ дипломатическихъ сношеній обойдется немного дорого для Ганновера.

Болѣе замѣчательны два другіе вопроса, занимающіе въ настоящее время сѣверную Германію: это именно—измѣненіе прусской военной системы и укрѣпленіе морскихъ береговъ Германіи. Первый вопросъ поднять уже давно, и только послѣднее приведеніе прусской арміи на военную ногу, кажется, ускорить разрѣшеніе его. Давно уже Пруссія хотѣла усилить свою постоянную армію, какъ болѣе надежное военное орудіе, а когда во время италіанской войны ей пришлось созывать ландверъ и потомъ снова распустить его послѣ виллафранкскаго мира, то это еще болѣе утвердило прусское правительство въ его убѣжденіи, что выгоднѣе имѣть сильную постоянную армію, чѣмъ напрасно отрывать часть гражданъ отъ ихъ обычныхъ занятій, особенно въ такое время года, когда полевые работы требуютъ наибольшаго числа рукъ. Это и заставило наконецъ принца-регента утвердить предположеніе о новой организаціи прусской арміи согласно проекту, составленному комиссіею, находящеюся подъ предсѣдательствомъ военнаго министра Бонина и состоящею изъ генераловъ Роона, Фохтъ-Ретца и Альвенслебена. По новому положенію, подробности котораго еще не извѣстны, ландверъ перваго призыва вовсе теряетъ свое названіе и совершенно сливается съ постоянной арміею, черезъ что увеличивается въ послѣд-

ней число полковъ и усиливается, болѣе, чѣмъ вдвое, численный ихъ составъ. Собственно ландверомъ будетъ называться только теперешній ландверъ втораго призыва, и назначеніемъ его будетъ исключительно оборона крѣпостей. Срокъ службы остается, по прежнему, трехлѣтній; но система временныхъ отпусковъ измѣнится. Ограничиваясь на этотъ разъ только этими общими указаніями на сущность новаго положенія, мы полагаемъ еще возвратиться къ нему, когда будутъ получены о немъ болѣе подробныя свѣдѣнія.

Что же касается до другаго вопроса, относящагося къ укрѣпленію сѣверныхъ береговъ Германіи, то онъ тоже является послѣдствіемъ тѣхъ отношеній, какія существовали между Германіей и Франціей во время послѣдней италіанской кампаніи. Германія увидѣла себя совершенно беззащитною со стороны Нѣмецкаго и Балтійскаго морей и стала требовать, чтобы немедленно было приступлено къ укрѣпленію этихъ береговъ. Дѣйствительно, за исключеніемъ прусскаго берега и нѣкоторыхъ весьма немногихъ пунктовъ Ганновера, все остальное побережье остается совершенно беззащитнымъ и, въ случаѣ войны, напр., съ Франціей, послѣдней державѣ весьма легко было бы высадить 50 или 60 тысячъ и этимъ совершенно парализовать всѣ дѣйствія сѣверной Германіи. А, между тѣмъ, лежація при этомъ побережья мелкія владѣнія Ольденбурга и Мекленбургъ—Шверина слишкомъ слабы для того, чтобы возвести эти укрѣпленія своими собственными средствами; притомъ же, отъ этихъ укрѣпленій зависитъ общее спокойствіе Союза, а потому было бы совершенно правильно, чтобы они были возведены на счетъ союзныхъ суммъ, подобно тому, какъ были построены союзныя сухопутныя крѣпости: Роштатъ, Ульмъ, Майнцъ, Люксембургъ и Ландау. Предложеніе это, какъ дѣйствительно весьма основательное, вѣроятно, не замедлитъ быть представлено на рѣшеніе Франкфуртскаго сейма.

Что же касается собственно прусскихъ береговъ, то они достаточно обезпечены возведенными уже укрѣпленіями и еще болѣе могутъ надѣяться на защиту отъ содѣйствія постоянно усиливающагося прусскаго флота, который въ настоящее время состоитъ изъ 57 судовъ разныхъ ранговъ, съ 292 орудіями на нихъ; изъ числа этихъ судовъ одинъ фрегатъ 48 и другой 38-пушечные, четыре корвета, имѣющіе на каждомъ отъ 28 до 12 орудій. Остальныя суда имѣютъ вооруженіе, состоящее отъ 9 орудій до одного; изъ нихъ 36 канонирскихъ лодокъ и 6 іоловъ

назначаются для содѣйствія непосредственной оборонѣ береговъ. Въ послѣднее время прусское морское управленіе заказало еще 20 винтовыхъ канонирскихъ лодокъ, изъ которыхъ каждая будетъ въ 60 — 80 силъ, съ 4 — 6 орудій; лодки эти строятся на частныхъ верфяхъ въ Данцигѣ, Эльбингѣ, Вольгастѣ и Штетинѣ, только четыре изъ нихъ на казенной данцигской верфи. Всѣ онѣ должны быть спущены на воду къ началу навигаціи будущаго года.

Личный составъ прусскаго флота состоитъ изъ 20 офицеровъ и 1,300 нижнихъ чиновъ; морской же баталіонъ въ послѣднее время усиленъ до 1,500 человѣкъ.

— Наконецъ—то получило утвержденіе давно уже предполагаемое измѣненіе прусскихъ военныхъ школъ. Рѣшено закрыть всѣ 18 дивизионныхъ школъ и замѣнить ихъ только тремя, изъ которыхъ каждая будетъ служить для трехъ корпусовъ. Новыя школы открываются въ Нейссе, Потсдамѣ и Эрфуртѣ, назначаются для приготовленія молодыхъ людей, желающихъ быть офицерами, и состоятъ подъ вѣдѣніемъ главнаго инспектора военнаго обученія, отъ котораго зависитъ и назначеніе профессоровъ. Каждая школа имѣетъ свой опредѣленный штатъ, состоящій изъ директора, штабъ—офицера и 8 капитановъ; сверхъ того, при каждой школѣ полагается 6 поручиковъ—инспекторовъ, на которыхъ будетъ тоже возложено обученіе верховой ѣздѣ, фехтованію и гимнастикѣ. Весь курсъ будетъ продолжаться 10 мѣсяцевъ, съ 1-го октября до 31-го іюля. Этимъ измѣненіемъ пріобрѣтается главнѣйше та выгода, что для трехъ школъ гораздо легче будетъ найдти лучшихъ профессоровъ и вообще всѣ средства, чѣмъ для восемнадцати.

— Въ Англіи, какъ извѣстно уже, послѣдняя Италіанская кампанія тоже имѣла вліяніе на значительныя усиленія военной дѣятельности. Примѣръ Франціи, которая, повидимому, не бывъ совершенно готовою къ войнѣ, разомъ перебросила въ Италію 200,000 армію, не могъ не встревожить Англичанъ. И, дѣйствительно, послѣ заключенія Виллафранкскаго мира, Великобританія не только не прекратила всѣхъ начатыхъ ею военныхъ приготовленій, но даже и усилила ихъ. На первомъ планѣ, разумѣется, стоитъ приготовленіе орудій Армстронга и введеніе ихъ на береговыя батареи. Не только берега Англіи вооружаются этими орудіями, но они даже будутъ доставлены въ Гибралтаръ, гдѣ

устроятся для этого двѣ новыя батареи, изъ которыхъ одну положено вооружить 30 орудіями. Равномѣрно положено вооружить новыми орудіями весь флотъ. Приготовленіе этихъ орудій должно теперь производиться съ необычайною быстротою, такъ какъ почти уже окончены для ихъ изготовленія особенныя мастерскія въ Ньюкестлѣ. Мастерскія эти состоятъ изъ пяти отдѣльныхъ зданій, изъ которыхъ самое наибольшее, въ 312 англ. фут. длины, назначаемое для кузнечныхъ работъ, уже кончено. Какъ велико это зданіе, можно судить уже изъ того, что одна изъ наковаленъ, заказанная для этой мастерской, вѣситъ около 1,204 пудовъ. Затѣмъ, въ двухъ другихъ, гораздо меньшихъ строеніяхъ, будутъ приготовляемы всѣ принадлежности къ орудіямъ; въ четвертомъ зданіи будутъ отливаться снаряды, а въ пятомъ орудія будутъ уже окончательно отдѣльваемы. Полагаютъ, что какъ скоро мастерскія начнутъ дѣйствовать, то онѣ станутъ готовить по четыре орудія разныхъ калибровъ въ недѣлю.

Замѣчательно, что между Англичанами, вслѣдствіе Италіанской войны, явилось предположеніе о необходимости замѣнить штыкъ, принятый въ англійской пѣхотѣ, штыкомъ-саблей, введеннымъ во Франціи у зуавовъ, стрѣлковъ, артиллеріи и Фурштата. Вотъ что по этому поводу пишетъ нѣкто М. П. въ газету «Times».

«Наочный свидѣтель увѣрялъ меня, что одна изъ причинъ, сильно обезкураживавшая австрійскаго солдата, былъ французскій штыкъ-сабля, противъ котораго совершенно не дѣйствителенъ прежній штыкъ и даже превосходство владѣющаго имъ въ физической силѣ. Послѣ каждаго удара, штыкъ-сабля гораздо легче вынимается изъ раны, чѣмъ обыкновенный штыкъ. Замѣчательно еще то, что французскій солдатъ обученъ особому фехтовальному приему, весьма дѣйствительному во время боя. Приемъ этотъ заключается въ томъ, что, держа ружье горизонтально на высотѣ головы непріятеля, легкимъ движеніемъ руки, описывается сегментъ круга, такъ что конецъ штыка разомъ касается лицъ трехъ человѣкъ. Этотъ новый приемъ особенную пользу приноситъ при штыкъ-саблѣ и приводилъ въ совершенное отчаяніе австрійскихъ солдатъ, которые не успѣвали ни выстрѣлить, ни дѣйствовать штыкомъ, какъ уже получали по лицу ударъ, правда не смертельный, но совершенно озадачивавшій ихъ.»

По свѣдѣніямъ, сообщаемымъ въ «Spectateur Militaire», численность англійской арміи въ настоящее время слѣдующая:

	Человѣкъ.
Офицеровъ	6,306
Унтеръ-офицеровъ	9,309
Нижнихъ чиновъ	107,040
Лошадей	12,839
Сверхъ того, въ Индіи:	
Войскъ	91,879
Лошадей	11,231

Составъ же этой арміи слѣдующій: 2 конные гвардейскіе полка, 1 пѣшій гвардейскій, 7 полковъ гвардейскихъ драгунъ, 18 полковъ драгунъ, 2 полка артиллеріи, 1 эскадронъ манежный, 2 полка инженеръ, 2 фушштатскихъ, 1 полкъ гвардейскихъ гренадеръ (въ 2,694 человѣкъ), гвардейскій полкъ Coldstream (въ 1,797 чел.), полкъ шотландскихъ гвардейскихъ фузилеровъ (1,809 чел.), 100 пѣхотныхъ полковъ, отъ 1,000 до 1,400 чел. каждый, 4 баталіона стрѣлковъ, 2 полка Западной Индіи и 11 корпусовъ колоніальныхъ.

Корпусъ морскихъ солдатъ, какъ мы извѣщали уже (*), былъ въ послѣднее время увеличенъ 2,000 солдатъ и соответствующимъ числомъ офицеровъ; затѣмъ въ настоящее время онъ состоитъ изъ 112 ротъ, изъ которыхъ въ каждой 3 офицера, 6 докторовъ и 125 нижнихъ чиновъ. Сверхъ того, къ этому корпусу принадлежитъ и 16 ротъ артиллеріи, изъ которыхъ каждая состоитъ изъ 5 офицеровъ и 175 нижнихъ чиновъ. Всего же въ корпусѣ морскихъ солдатъ, считая и 99 офицеровъ, принадлежащихъ къ главному штабу этого корпуса, будетъ 17,987 человѣкъ.

Коммиссія, составленная въ Англіи, для изысканія лучшей системы организаціи милиціи, представила въ парламентъ свой проэктъ новой организаціи милиціи, которая могла бы служить для защиты англійской территоріи столь же полезно, какъ и постоянная армія. По новому проэкту, предлагается сдѣлать обязательною службу въ милиціи для всѣхъ гражданъ отъ 16 до 40-лѣтняго возраста; прежде требуемая мѣра роста уменьшена съ 5 фут. 4 дюймовъ до 5 фут.; положено вербовать въ милицію оставшихъ солдатъ постоянной арміи; въ каждомъ округѣ, а въ случаѣ надобности въ двухъ или нѣсколькихъ вмѣстѣ, должны быть образованы особые пятисотенные отряды, обязанные въ теченіе одного года располагаться въ казармахъ, или, по крайней

(*) «Въ Военномъ Обозрѣніи» № 8 «Военнаго Сборника».

мѣръ, собираемые въ лагерь не менѣе, какъ на 28 дней, для занятій стрѣльбою. Проектъ этотъ, очевидно, имѣетъ нѣкоторое сходство съ прусской и швейцарской ландверной системой.

Для слѣдящихъ за нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ солдатъ англійской арміи, конечно, будутъ не лишены интереса слѣдующія свѣдѣнія о состояніи бібліотеки въ Чатамѣ. Число солдатъ, посѣтившихъ бібліотеку съ 1-го января по 30-е іюня сего года, было 9,277 человекъ, занимавшихся чтеніемъ книгъ, 2,291 чтеніемъ газетъ, и 4,804, занимавшихся разными играми; всего 16,272. Весьма жаль, что, не имѣя свѣдѣній о томъ, какое число солдатъ могло пользоваться бібліотекой, нельзя вывести общаго отношенія посѣщавшихъ бібліотеку къ числу не посѣщавшихъ. Чатамская бібліотека заключаетъ въ себѣ 3,520 сочиненій; изъ нихъ наиболѣе были читаемы повѣсти и романы, которыхъ было требуемо 4,294 раза, затѣмъ военныя и морскія сочиненія—только 338 разъ, біографій разнаго рода—211, путешествій—241 разъ. Весьма странно, что наименьшее число читателей сочиненій было по части естественныхъ наукъ. Все же, бібліотека эта приноситъ значительную пользу для солдатъ, что и побудило принца Альберта предложить устроить подобную же бібліотеку въ Алдершотскомъ лагерѣ

— Въ № 16 «Русскаго Вѣстника» была помѣщена коротенькая, но прекрасная статья г. Я. Р—та: «Способны ли евреи къ военной службѣ?» Съ этой-то статью считаемъ необходимымъ ознакомить нашихъ читателей. Конечно, многимъ приходилось неоднократно слышать о трусливости евреевъ и о совершенной ихъ неспособности къ военной службѣ. Это считалось почти общимъ правиломъ, подлежащимъ лишь самымъ незначительнымъ исключеніямъ. Но вотъ являются положительные, неопровержимые факты, доказывающіе во многихъ случаяхъ совершенно противное. Такъ, въ выходящемъ въ Парижѣ журналѣ «Archives Israélites» напечатанъ списокъ еврейскихъ офицеровъ, служащихъ во французской арміи, составленный французскимъ же офицеромъ еврейской вѣры. Онъ показываетъ, что въ 1859 году, въ началѣ Италіанской войны, во французской арміи находилось слишкомъ 140 офицеровъ еврейскаго происхожденія, распределенныхъ рѣшительно по всѣмъ частямъ арміи; изъ нихъ 39 человекъ имѣютъ знаки Почетнаго Легіона. Вспомнивъ, что во Франціи всего считается до 100,000 евреевъ: придется, что на 700 человекъ евреевъ будетъ одинъ офицеръ — отношеніе весьма

многозначительное. Въ Австріи всего считается до 800,000 евреевъ, изъ числа которыхъ, по официальнымъ даннымъ вѣнскихъ газетъ, сообщеннымъ въ «Allgemeine Zeitung des Judenthum's», въ австрійской арміи, кромѣ 17,000 еврейскихъ солдатъ, находится до 800 офицеровъ еврейскаго исповѣданія. Сверхъ того, вѣнскія газеты сообщили о множествѣ евреевъ, вступившихъ въ сформировавшіеся въ Австріи корпуса волонтеровъ. Въ Италиі почти то же самое вездѣ: въ Сардиніи, въ Ломбардіи, въ Центральной Италиі, евреи вступали въ ряды арміи и въ корпуса волонтеровъ, и, притомъ, не только одни бѣдные и бездомные, но и богатые, семейные, немолодые, люди, обремененные дѣлами. Чтò жь доказываютъ эти факты? На этотъ вопросъ мы позволимъ себѣ отвѣчать выпискою изъ названной нами статьи.

«Они (факты эти) доказываютъ еще разъ явленіе, на которое указываютъ всѣ стороны современной европейской жизни, что человѣкъ только при свободныхъ условіяхъ жизни, только въ свободной средѣ можетъ сознать и поддерживать въ себѣ истинное человѣческое достоинство и что одна уже надежда на такія условія жизни, на вступленіе въ такую среду можетъ нравственно возродить и облагородить людей.

«Еврей, угнетаемый и втоптываемый въ грязь, все равно ясновельможными ли польскими панами, турецкими ли правительственными пашами и эфенди, нѣмецкими ли фрейгерами и ограниченными бюргерами, или католическими пасторами, превращается въ жалкое трусливое существо, не защищающееея и тогда, когда его бьютъ какъ собаку. Но этотъ же еврей, при первомъ дыханіи свободы, при первомъ признаніи своего человѣческаго достоинства, возрождается и чувствуетъ себя гражданкомъ, готовымъ на всѣ гражданскія жертвы, готовымъ отдать и кровь и жизнь свою за тѣхъ, кто призналъ его свободнымъ чловѣкомъ. Тысячи евреевъ бодро дрались за Австрію, которая имъ только *объщала* (еще 10 лѣтъ тому назадъ) признаніе ихъ человѣческаго достоинства и дарованіе свободныхъ условій жизни. Удивительно ли, что евреи съ большею еще радостью и готовностью жертвуютъ всѣмъ для тѣхъ, кто имъ не только *объщаль*, но дѣйствительно далъ гражданскія права и свободу жить, развиваться и служить обществу чѣмъ могутъ? Евреи были и будутъ всегда съ тѣми, кто въ нихъ видитъ и признаетъ чловѣка и гражданина. Русскіе и польскіе евреи сохранили благодарную память объ Александрѣ I. Имя

Александра II для нихъ теперь уже дорого, и они съ горячею любовью взираютъ на него, какъ на будущаго избавителя отъ многихъ горькихъ бѣдъ жизни.»

И, дѣйствительно, во Франціи Евреи уже давно, еще съ 1791 года, пользуются всѣми правами французскихъ гражданъ. Въ Австріи они до настоящаго времени еще подвергаются всѣмъ возможнымъ гоненіямъ. И вотъ обѣщаніе австрійскаго правительства дать Евреямъ полныя права гражданства уже заставляетъ ихъ сражаться за Австрію какъ бы за свое собственное отечество. Наконецъ въ Италіи стремленіе Евреевъ стать въ ряды арміи для защиты страны прямо вызвано было распоряженіемъ новыхъ правительствъ Тосканы, Пармы и Модены, объявившихъ вслѣдъ за изгнаніемъ прежнихъ владѣтелей, «что всѣ граждане, безъ различія вѣроисповѣданія, пользуются одинаковыми правами передъ закономъ и несутъ одинаковыя обязанности. И все это имѣло самое рѣшительное вліяніе на измѣненіе наклонностей и способностей Евреевъ. Впрочемъ, зачѣмъ намъ ходить за столь дальними примѣрами: мы имѣемъ ихъ и у себя довольно. Всѣмъ извѣстно, въ какомъ жалкомъ положеніи находятся у насъ наши польскіе Евреи; а, между тѣмъ, какъ перерождаются они, поступая въ военную службу, и особенно въ тѣ части, гдѣ наименѣе могутъ подвергаться насмѣшкамъ и притѣсненіямъ своихъ сослуживцевъ-христіанъ. Напримѣръ, извѣстно, что весьма большое число солдатъ изъ Евреевъ находится въ вѣдомствѣ путей сообщеній, и посмотрите, какъ развертывается большая часть изъ нихъ. Да что говорить объ Евреяхъ. Развѣ мы не видимъ почти того же превращенія, только въ обратномъ смыслѣ, и на нашихъ православныхъ мужичкахъ? Теперь оно случается очень рѣдко, почти даже и не встрѣчается, а прежде бывало поступаетъ въ рекруты молодой, расторопный парень: кажется, долженъ бы выйти изъ него молодець-молодцомъ; носмотришь, рекрутская школа, дядьки, унтера да фельдфебели такъ запугаютъ его, что куда и дѣнется все молодецество! Конечно, все это

Дѣла давно минувшихъ дней...

Теперь, напротивъ, можно будетъ видѣть, что поступитъ какойнибудь неуклюжій, неразвитой Латышь или Чухна, а армія съумѣетъ развить его, сдѣлать изъ него человѣка, который, дѣйствительно, станетъ сознавать свое собственное достоинство, станетъ гордиться тѣмъ мундиромъ, который вполне облагора-

живааетъ и возвышаетъ его. Распространеніе грамотности, уничтоженіе тѣлеснаго наказанія, введеніе болѣе ровнаго, справедливаго, хотя и не лишеннаго строгости, обращенія съ солдатами — все это можетъ привести къ гораздо болѣе блестящимъ результатамъ, чѣмъ излишняя, но произвольно безпорядочная строгость, которая накажетъ, примѣрно, какой нибудь пустой проступокъ, а вслѣдъ затѣмъ проститъ иногда и большую вину.

— Въ заключеніе нашего обозрѣнія намъ остается еще сказать нѣсколько словъ о событіяхъ, происшедшихъ въ послѣднее время въ Турціи и Персіи. Извѣстно, что, послѣ окончанія Восточной войны, вся Европа устремила свое вниманіе на Турцію, отъ которой ожидали совершенно полнаго возрожденія и коренныхъ преобразованій въ ея внутреннемъ устройствѣ. Но всѣ эти надежды были обмануты. Не только что Турція не сдѣлала ничего для своего возрожденія, но, казалось, еще болѣе погружалась въ анархію и клонилась къ упадку. Въ провинціяхъ ея господствовало, по прежнему, полное самоуправство; жизнь и имущество христіанъ нисколько не были обезпечены, и они вовсе не имѣли никакой возможности пользоваться тѣмъ равенствомъ передъ закономъ, которое было имъ обѣщано; армія находилась въ самомъ жалкомъ положеніи и постоянно была недовольно правительствомъ, не платившимъ ей иногда по три, четыре и болѣе мѣсяцевъ жалованья; въ то же время долгъ государственной все возрасталъ отъ новыхъ займовъ, заключаемыхъ на чрезвычайно невыгодныхъ условіяхъ и, между тѣмъ, употребляемыхъ не на внутреннія улучшенія, а только на удовлетвореніе необыкновенной роскоши сераля. Все это, конечно, должно было возбуждать сильное неудовольствіе между самими Турками, и наконецъ неудовольствіе это выразилось обширнымъ заговоромъ противъ султана и всѣхъ его министровъ. Но заговоръ былъ открытъ, и въ настоящее время производится судъ надъ участвовавшими въ немъ. Интересно, что заговоръ этотъ вовсе не есть результатъ религіознаго фанатизма Турокъ. Полагаютъ, что султанъ даруетъ заговорщикамъ прощеніе и, вѣроятно, не замедлитъ воспользоваться урокомъ. Онъ увидѣлъ теперь, какая опасность грозила ему и его престолу, и можетъ надѣяться, что опасность возобновится, если не будутъ уничтожены причины, порождающія ее. Такъ какъ большинство заговорщиковъ принадлежало къ войскамъ, то первую мѣрою послѣ открытія заго-

вора было удовлетвореніе жалованьемъ константинопольскаго гарнизона, который не получалъ его уже за три мѣсяца до того.

Болѣе утѣшительное зрѣлище представляетъ другое сосѣдственное намъ на югѣ государство — Персія. Въ Военномъ Обзорѣннн прошлаго нумера были сообщены нѣкоторыя свѣдѣнія о персидской арміи и объ осмотрѣ ея шахомъ. Теперь же есть свѣдѣнія, что послѣ осмотра обоихъ лагерей шахъ посѣтилъ Таврисъ, который онъ хочетъ сдѣлать первоклассною крѣпостью. Дѣйствительно, положеніе этого города имѣетъ чрезвычайно важное стратегическое значеніе. Онъ лежитъ противъ угла, образуемаго турецкою и русскою границею, такъ что въ одно и то же время можетъ служить для поддержанія какъ арміи, дѣйствующей противъ Турціи, такъ и той, которая была бы назначена противъ Россіи. Отдаленіе Тавриса отъ границъ не превышаетъ отъ русской 120, а отъ турецкой 200 верстъ. Городъ этотъ имѣлъ уже обширныя укрѣпленія, которыя были уничтожены землетрясеніемъ въ 1721 году. Теперешній шахъ осматривалъ мѣста прежнихъ укрѣпленій въ сопровожденіи инженерныхъ офицеровъ и утвердилъ уже новый проэктъ укрѣпленій Тавриса, который будетъ выполненъ Французами. Эта военная дѣятельность въ Персіи возбудила нѣкоторыя опасенія константинопольскаго дивана, вслѣдствіе чего султанъ приказалъ Керимъ-пашѣ, начальнику анатолійской арміи, выдвинуть обсервационный корпусъ на персидскую границу. Корпусъ этотъ, силою въ 10,000 человекъ, расположился у Байзета, подъ начальствомъ Османъ-пашн. Но само собою разумѣется, что эти мелкія демонстраціи нисколько не нарушаютъ добраго согласія между Турціей и Персіей, и въ подтвержденіе того султаномъ даже былъ посланъ одинъ изъ пашей привѣтствовать шаха во время бытности его въ Таврисъ.

В. ГЛИВОЕЦКІЙ.